

ЕВГЕНИЙ ВОЛКОВ

ПРОЕКТ
ЛЮМИНАР

ЕВГЕНИЙ ВОЛКОВ
Проект Люминар

«Автор»

2026

Волков Е.

Проект Люминар / Е. Волков — «Автор», 2026

Свет — это жизнь. За границами спасительных лучей долину ждет лишь вечная мерзлота и неминуемая смерть. Для последних выживших гигантское светило в зените — это великий бог Люминар, требующий слепой веры и беспрекословного подчинения жрецам. Лисарий, прозванный Лисом, когда-то тоже готовился нести слово Люминара, но поплатился статусом за неудобные вопросы. Он уверен: их солнце — не божество, а древний механизм. И когда безупречная машина в небесах впервые дает сбой, Лис понимает страшную правду: машина ломается. У общины нет запасного солнца. Чтобы спасти свой мир от надвигающейся беды, Лису придется пойти против устоев его дома и разгадать тайну забытых творцов. Но готов ли он к тому, что скрывается за светом Люминара?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Евгений Волков

Проект Люминар

Глава 1

Свет был везде. Он не просто падал сверху — он пропитывал воздух, отражался от белого камня мостовой, дробился в мутных слюдяных окнах и, казалось, проникал даже сквозь закрытые веки, окрашивая темноту в пульсирующий багровый цвет. Здесь, в долине, не существовало понятия полумрака. Было либо сияние, дарующее жизнь, либо тьма, несущая холод и смерть. Третьего не дано.

— Мои возлюбленные, воззрите на небо! Вы видите сияние, пронизывающее тьму? Это Люминар — наш спаситель и творец!

Голос Световода был подобен грому, запертому в ущелье. Он стоял на возвышении перед храмом — высокой, грубо отёсанной пирамиде из серого базальта, чья верхушка была срезана, чтобы дать место для Алтаря Управления. Жрец раскинул руки, его белые одеяния, расшитые золотыми нитями, вспыхивали под лучами зенитного солнца так ярко, что на него было больно смотреть. Но люди смотрели. Они не могли отвести глаз.

Пятьдесят семей. Всё население нашего маленького мира, собранное на одной площади. Лица, обветренные постоянными ветрами с окраин, сейчас были обращены вверх, к источнику тепла. В их глазах не было ни сомнения, ни вопроса. Только жажда. Жажда света, который грел кожу, растил скудный урожай бурых злаков и отгонял ледяных призраков ночи.

— Не в земных храмах, не в рукотворных идолах, но в небесном сиянии заключена истинная вера! — продолжал гремя Световод. Капельки пота на его лбу сверкали, как драгоценные камни. — Люминар — не просто светило. Это щит! Это меч, рассекающий вечную мерзлоту пустоты!

Я стоял в тени навеса пекарни, прислонившись спиной к шершавой, прогретой камнем стене. Запах свежего хлеба смешивался с едким ароматом озона — тем странным, металлическим запахом, который всегда усиливался к полудню. Старики благоговейно называли это «дыханием бога». Я же думал, что так пахнет перегретый металл.

Меня зовут Лисарий. Друзья — те немногие, кто терпел мой скверный характер и привычку задавать неудобные вопросы, — звали меня Лис. Я не был похож на остальных. В нашем поселении ценилась грубая сила: широкие плечи, способные таскать корзины с рудой, мозолистые руки, умеющие управляться с мотыгой. Я же был худощав, жилист и слишком быстр для размеренной жизни общины. Мои волосы выгорели до цвета сухой соломы, а карие глаза вечно бегали, ища деталь, за которую можно зацепиться.

— Ибо не слепой случай, а великая воля создала его, чтобы даровать жизнь и избавить нас от никчёмности!

Световод сделал паузу, позволяя своим словам осесть в умах паствы. Тишина на площади повисла плотная, вязкая. Остался только гул. Вечный, низкий гул, исходящий с небес. Мы рождались с этим звуком, жили с ним и умирали под него. Это была глубокая нота «Фа» — вибрирующая, от которой иногда ныли зубы, если плотно сжать челюсти. Гул гигантских механизмов, спящих в зените.

Я поднял голову, щурясь от нестерпимой яркости. Люминар. Наша рукотворная звезда.

Это не был шар из огня, как описывали древние солнца в ветхих книгах. Это была конструкция. Сложная, величественная и пугающая. Огромные концентрические кольца из сияющего металла вращались вокруг центрального ядра — ослепительного сгустка плазмы, удерживающего всё.

живаемого невидимыми силами. От колец отходили массивные спицы-излучатели, похожие на лапы гигантского механического паука, обнимающего небосвод.

Иногда в редкие моменты, когда плотные облака пара расступались, на почерневшем металле можно было разглядеть странные знаки — полустёртые, угловатые символы языка, который не понимал даже Световод. «Серийный номер» — всплыло у меня в голове странное словосочетание, значение которого я сам до конца не осознавал. Я вычитал его в одном из обрывков древних мануалов, которые Световод по невежеству использовал как подставки для свечей.

— Каждый рассвет — это благословение, ибо свет Люминара наполняет нас смыслом, — голос жреца стал тише, переходя на гипнотический речитатив. — И каждый закат — испытание. Ведь мы должны помнить: без него мы лишь прах. Прах, рассеянный по ледяному ветру!

Толпа вздрогнула. Страх — вот на чём на самом деле держалась наша вера. Не на любви, а на животном ужасе перед холодом. Мы все знали, что там, за границей спасательного круга, начинается небытие. Там, где лучи Люминара теряли силу, воздух становился обжигающе жидким, а любое живое существо застывало ледяной статуей за считанные минуты.

— Молитесь! — взревел Световод, вскидывая посох к вращающимся кольцам. — Молитесь, чтобы Люминар сиял вечно! Пусть ваши сердца будут чисты, а вера крепка!

Люди начали опускаться на колени. Сначала передние ряды, затем волна покорности докатилась до самых дальних уголков площади. Шорох грубой ткани о камень, глухой стук коленей, монотонное бормотание сотен голосов, сливающихся в единый стон, вторящий гулу небесной машины.

Я остался стоять. Это был мой маленький, незаметный бунт. Никто не смотрел на меня, все уставились либо в землю, либо в ослепительное небо. Мне было откровенно скучно. Я слышал эту проповедь сотни раз. Я знал, в каком месте Световод театрально пустит слезу, где повысит голос, а где сделает драматическую паузу, чтобы утереть пот шелковым платком.

Мой взгляд заскользил в сторону, к колоннаде старого административного здания, служившего теперь складом. Там в спасительной тени тяжёлых колонн, кипела совсем другая жизнь. Дети. Им было плевать на пафос, на угрозу замерзания и на замысел великих творцов. Им было лет по пять-семь, и проповедь являлась для них лишь досадной помехой — временем, когда взрослые заняты и не мешают играть.

Их было шестеро. Среди возящейся малышни я узнал Ину — дочь нашего пекаря, с вечно испачканным в муке носом и торчащими в разные стороны косичками. Заводила. Они играли в «Дом теней». Популярная забава, правила которой придумали не они, а, наверное, самые первые дети, родившиеся под этим искусственным светом. Правила были просты и жестоки, под стать нашему миру: тень — это «дом» и безопасность. Свет — это «лавовый поток». Нужно было перебегать от одной тени к другой, не наступая на освещённые камни.

Я наблюдал, как Ина, ловко подхватив подол серого платья, перепрыгнула узкую полосу света и приземлилась точно в густую тень от массивной статуи Первопроходца.

— Я в домике! — беззвучно, одними губами прокричала она.

Остальные ринулись за ней. Они жались друг к другу в узком, прохладном пятне темноты, хихикая и толкаясь. Для них тень была единственным убежищем от палящего зноя, который к полудню становился почти невыносимым.

Я невольно улыбнулся. В их возне было столько настоящей, пульсирующей энергии, которой отчаянно не хватало в застывших позах взрослых. Дети использовали строгую геометрию города как свою площадку. Они доверяли теням. Они интуитивно знали: наше солнце движется по небу с идеальной точностью. Тень от шпиля всегда падает на третью плиту мостовой ровно в час дня. Это закон. Это физика, даже если в нашем поселении давно забыли такое слово.

Ина сидела на корточках у самого края. Носок её потёртой сандалиии замер в миллиметре от слепящей черты. Она дразнила «стихию», вытягивая ручку на свет и тут же со смехом одёргивая её, будто обжигаясь. Другие прыскали, прикрывая рты ладонками.

И тут случилось то, что заставило мою улыбку сползти с лица.

Сначала изменился звук. Гул Люминара, эта вечная, незыблемая нота «Фа», вдруг дрогнул. Это было похоже на то, как если бы исполинский волчок, бесперебойно вращавшийся века, на долю секунды потерял равновесие. Звук «упал» вниз, превратившись в хриплый, утробный скрежет металла о металл. От этого звука внутри всё сжалось в ледяной комок. Вибрация прошла через подошвы ботинок и тупой болью отдалась в коленях.

— Вы слышали? — прошептал я, инстинктивно отлипая от стены.

Но никто не шелохнулся. Исступлённая молитва толпы заглушила этот системный сбой для всех, кроме меня.

Я резко перевёл взгляд на небо, наполовину ожидая увидеть, как «звезда» срывается и летит нам на головы. Но Люминар висел на своём месте. Кольца вращались. Сияние оставалось ровным.

«Показалось», — подумал я, с шумом выдыхая. — «Переутомление. Жара давит».

Я снова посмотрел на детей, отчаянно ища успокоения в их беззаботности. Ина всё так же сидела у края тени от колонны. Тень была чёткой, чернильно-чёрной на раскалённом камне. Надёжной, как гранитная плита.

И вдруг тень прыгнула.

Это не было плавным движением светила по небосводу. Нет. Тень дёрнулась, словно живое существо, получившее удар хлыстом. Она резко, болезненным рывком сместилась на полметра вправо. «Домик» исчез. Ина, секунду назад сидевшая в прохладном полумраке, оказалась под прямым, кинжальным ударом света.

Её глаза округлились от удивления. Девочка даже не успела испугаться, не поняв, что произошло. Ослепительный свет ударил ей в лицо, и она инстинктивно вскинула ручки закрываясь.

— Ой! — вскрикнул кто-то из малышей.

В тот же миг с небес донёсся грохот — уже не скрежет, а настоящий удар, словно молот рухнул на титановую наковальню. КЛАЦ!

И тень прыгнула обратно. Мгновенно. С неестественной, невозможной скоростью она вернулась на своё законное место, снова накрыв Ину спасительной темнотой.

Всё это заняло не больше двух ударов сердца. Раз — тень сбежала. Два — тень вернулась.

Я стоял парализованный. Разум отказывался обрабатывать увиденное. Тени так не ходят. Люминар так не светит. Если тень сместилась, значит... источник света сдвинулся? Или сошёл с орбиты? Огромная махина в небесах, весящая миллионы тонн, не может просто так «дёрнуться» и встать на место. Это антинаучный бред. Если только у неё не отказывают гироскопы пространственного удержания.

— И пусть его свет станет вашей путеводной звездой! — торжествующе завыл Световод, видимо, приняв небесный грохот за знак божественного одобрения.

— Аминь! — единым хором выдохнула толпа.

Дети в тени колоннады затихли. Смех оборвался. Ина сидела на земле, растерянно потирая глаза. Она смотрела на тень так, как смотрят на предавшего друга. Она знала правила: тень не должна двигаться. Система дала сбой.

Я лихорадочно оглянулся, ища хоть кого-то, кто разделит бы мой нарастающий ужас. Вон кузнец Торн, он стоит почти по центру. Неужели он не почувствовал, как содрогнулась мостовая? Нет, бьёт поклоны. Вон старая Лара смотрит прямо на Люминар. Неужели не видела вспышки? Нет, в выцветших глазах лишь слёзы религиозного экстаза.

Меня накрыло тотальным, звенящим чувством одиночества. Я был единственным зрячим в городе слепцов. Я снова посмотрел вверх, но теперь не как сомневающийся обыватель. Я смотрел как техник, ищущий поломку. И я её увидел.

Там на внешнем ободе третьего ходового кольца, едва различимая с такого расстояния, курилась струйка. Чёрная, маслянистая. Дым. Дым в царстве абсолютного света. Он поднимался вертикально и тут же растворялся, пожираемый колоссальной температурой плазмы. Но он там был.

«Механизм, — отчётливо пронеслось у меня в голове. — Это просто сложный древний механизм. И прямо сейчас он ломается».

По позвоночнику пополз холод, куда более страшный, чем мороз пустошей. Если Люминар остановится... У нас нет ночи, чтобы переждать ремонт. У нас нет запасного генератора. У нас есть только бесполезные молитвы.

Я перевёл взгляд на жреца. Тот уже спускался с возвышения. Он благостно улыбался, но я заметил, как мелко дрожит его левая рука, вцепившаяся в посох, и как он то и дело бросает короткие, панические взгляды вверх. Он тоже всё понял.

Но он будет молчать. Назовёт это «великим испытанием веры» и прикажет урезать пайки, чтобы мы молились усерднее. А Ина... Девочка уже встала, отряхнула подол и бочком, с явной опаской, вышла из тени. Игра была безнадежно испорчена. Магия безопасности рассеялась. Мир перестал быть надёжным.

Я оттолкнулся от стены пекарни. Ноги казались ватными, но в голове вдруг стало пугающе ясно. Я не собирался покорно ждать, пока мы превратимся в глыбы льда. Если тень может предать, значит, старые правила больше не работают. Мне нужно было узнать новые раньше, чем наступит вечный закат.

Надвинув капюшон на глаза, я скользнул в узкий переулок за храмом. Проповедь закончилась. Начался обратный отсчёт.

Мой путь лежал к окраине, туда, где каменные дома жались друг к другу. Жил я с родителями. Таков суровый закон нашего мира: до женитьбы о собственном угле нечего и мечтать. Строить новый дом для одного — непозволительная трата ресурсов, когда каждый камень на счету. Честно говоря, жениться я не рвался. Да и кому нужен парень, чья голова забита вопросами, а не мыслями об урожае?

Мои родители были фермерами — людьми земли, честными трудягами. Но в поселении, где статус измерялся запасами и близостью дома к центру «Света», мы считались бедняками. Целая невеста стоила дорого: инструменты, селекционные семена, отрез ткани — этого у нас едва хватало для выживания.

Родители наверняка задерживались на площади, обсуждая «знамение» с соседями, поэтому я мог не торопиться. Нырнув за очередной поворот, где тень была гуще, я вышел к нашему участку с тыльной стороны. Здесь оградой служил лишь плотно сплетённый кустарник. Отработанным движением я бесшумно перемахнул через преграду и мягко приземлился в грядку. Вдохнул запах дома — простой и надёжный аромат рыхлой земли.

Подтянувшись на подоконнике, я нащупал ногой знакомый выступ в кладке и ящерицей скользнул в приоткрытое окно своей комнаты. Внутри меня встретила спасительная тишина.

Стянув через голову пыльную накидку, я небрежно бросил её на спинку скрипучего стула. Времени мало — скоро вернутся отец с матерью. Я опустил на колени в углу, у самой кровати, и простучал половицы. Раз, два... третья. Доска, ничем не отличающаяся от соседних, бесшумно подалась в сторону, открывая тайник.

В нише между лагами покоились мои «сокровища»: идеально круглые камешки, обломок окислившейся шестерёнки, кусок оплётки от провода. Вещи, не имеющие цены ни для кого, кроме меня. Но сейчас мои пальцы проигнорировали их, сразу потянувшись за главным.

Я осторожно извлёк из темноты тонкий чёрный прямоугольник.

Он был сделан из материала, которому в нашем языке не существовало названия — не камень, не дерево и не сталь. Гладкий, без единого шва, словно вырезанный из застывшей тёмной воды, невероятно лёгкий, но прочный. На его глянцевой поверхности было нанесено изображение. Люминар. Но не тот, что скрежетал над нашими головами сейчас. Здесь он был безупречен: чёткие, математически выверенные линии, яркий голубоватый ореол, идеальная симметрия кольцевых систем.

А внизу, прямо под голографическим чертежом, тускло белела строка символов. Острые, лаконичные буквы мёртвого языка. Я с благоговением провёл большим пальцем по гладкой надписи — LUMINAR — словно надеясь, что через кожу смогу понять то, чего не могли прочесть мои глаза.

Я нашёл этот прибор около года назад в нижних, вечно сырых архивах храма. По суровым законам нашего поселения спускаться туда имели право лишь сам Световод и его приближённые ученики. И я. Да, когда-то я тоже носил чистые, белые одежды послушника и готовился нести «свет истины» в массы. Ровно до тех пор, пока не начал задавать слишком много вопросов. Неправильных вопросов.

Световод не уставал повторять, что попытка понять, как именно устроен Люминар — это тягчайшее богохульство, оскорбляющее замысел творцов. Жрец знал о моём нездоровом техническом любопытстве, долго терпел мои тайные вылазки в хранилище запретных текстов, закрывал глаза на дерзость, пока в какой-то момент я не перешёл невидимую грань. Именно этот чёрный, холодный прямоугольник стал той самой чертой, о которую окончательно разбилось терпение Световода. А вместе с ним — и последние остатки моей слепой веры.

Когда он застал меня с артефактом в руках, я ждал суда. Но старому жрецу не нужен был публичный скандал. Ему не нужны были тревожные шепотки о ереси в рядах собственных послушников. Поэтому он поступил куда хитрее: просто вышвырнул меня, объявив перед всей общиной, что моя душа «слишком глуха к песне Люминара».

В нашем тесном мирке это прозвучало как приговор. Фактически это было социальное клеймо, из-за которого на меня до сих пор с опаской косятся соседи, а родители потеряли всякую надежду найти мне достойную пару и обеспечить нормальное будущее. Но по правде говоря, мне было абсолютно плевать. Утратив благосклонность жреца и место в храме, я обрёл нечто куда более ценное — правду. Я понял, что боги не оставляют после себя инструкции по эксплуатации. И уж тем более, боги не ломаются.

Привычным, отработанным до автоматизма движением я сунул гладкий прямоугольник во внутренний карман плотной рубахи — поближе к телу. Половица беззвучно встала на место, скрыв опустевший тайник.

Я сел на край кровати, растирая лицо ладонями. Рано или поздно мне придётся снова проникнуть в нижние архивы храма. Как ни крути, но именно там, в пыльных криптах под сапогами жрецов, собрана вся скудная информация о мире, которая нам доступна. Часть древних манускриптов и технических схем была переведена Световодами прошлого на наш язык — криво, с религиозным искажением, но переведена. Однако самое важное, подлинное, всегда скрывалось за строгой вязью мёртвого языка Предков.

Сам я едва мог разобрать с десятков символов. Но был тот, кто мог мне помочь.

Отшельник.

Старый, ссохшийся дед, чья покосившаяся лачуга жалась к самой границе Света — там, где спасительные лучи Люминара уже теряли свою силу, где воздух кусал лёгкие инеем, а земля круглый год была скована серой изморозью. Никто не знал, сколько ему лет и за какие грехи его изгнали так далеко от центра. Но именно он когда-то тайком учил меня значениям этих угловатых, резких букв.

Примерному послушнику не следовало общаться с подобными личностями. Световод строго-настрого запрещал нам даже смотреть в сторону изгоев, не говоря уже о беседах с безум-

цем, живущим на пороге вечной зимы. Тогда, испугавшись за своё тёплое место в храме, я малодушно перестал к нему ходить.

Но теперь всё изменилось. На мне уже стояло клеймо, мне нечего было терять, а гигантский механизм в небе начал давать сбои. Если кто в этой долине и знал, что означает чёрный дым на кольцах Люминара, так это старик, годами вглядывающийся во тьму.

Я хлопнул себя по коленям поднимаясь. План созрел сам собой. Идти к Отшельнику с пустыми руками, имея при себе лишь чёрный прямоугольник, было глупо. Старику наверняка понадобятся древние схемы и переводы для сравнения. Значит, сначала предстоит ночная вылазка в архивы храма, а уже потом — визит на Границу Холода.

Я бросил короткий взгляд в окно. До момента, когда Люминар перейдёт в «спящий режим» и изменит свою яркость, оставалась пара часов. В нашем мире не было заката в привычном понимании. Огромный механизм в зените не садился за горизонт, он просто снижал мощность: слепящее бело-голубое сияние постепенно тускнело, сменяясь густым, багровым тлением. В этот момент температура на улицах резко падала, и все жители торопливо тянулись по домам, поближе к растопленным печам и жаровням. Городок вымирал, погружаясь в холодные тени.

Это будет идеальное время для моей затеи.

Но к вылазке нужно было подготовиться. Подхватив со стула тёплую шерстяную накидку — ночью без неё можно было околоченеть, — я быстро спустился по скрипучей деревянной лестнице с чердака вниз. И тут же с разбегу влетел в чью-то широкую, твёрдую грудь.

— И куда это мы так спешим, а? — рокочущий, суровый голос заставил меня попятиться на пару шагов.

Передо мной стоял отец. Кряжистый, широкоплечий, с лицом, глубоко изрезанным морщинами от вечного прищуривания на ярком свете. От его грубой рабочей одежды густо пахло сырой землёй, перегноем и тяжёлым потом.

— По делам, — хмуро буркнул я, пытаюсь проскользнуть мимо, но он тяжело шагнул в сторону, перекрывая дверной проём.

— Знаю я твои дела, — отец скрестил на груди пудовые, мозолистые руки и смерил меня потемневшим взглядом. — Опять пакость какую-то задумал? Мало того что обозлил на себя Световода и опозорил семью на всё поселение, так всё никак не утомонишься?

В его голосе звучала не столько отцовская злость, сколько глухая усталость и затаённый страх. Я знал почему. Жить под клеймом неблагонадёжных в нашем тесном мире было не просто тяжело — это было по-настоящему опасным делом.

— Что хочу, то и делаю. Тебе-то какое дело? — с вызовом бросил я, упрямо вздёрнув подбородок и глядя отцу прямо в глаза.

Он тяжело выдохнул. От этого вздоха его широкие плечи опустились, и отец вдруг показался мне не грозным препятствием, а просто невероятно уставшим человеком, которого придавило к земле тяжестью постоянной тревоги.

— Ишь, самостоятельный выискался... Дело мне есть всегда, Лисарий. Ты мой сын, — отец сурово сощурился, а его грубые, вьёвшиеся в землю пальцы с силой сжали дверной косяк. — И когда ты по своей дурачности творишь всякое — отвечать приходится мне. И матери.

Он шагнул чуть ближе, нависая надо мной, и понизил голос до хриплого шёпота:

— Думаешь, Световод тебе всё простил? Нам урезали паёк на топливные брикеты в этом месяце. Едва зиму переживаем. А ещё одна твоя выходка, и нас переселят на дальний радиус. Поближе к мерзлоте. Ты этого для нас хочешь, искатель правды?

Я вздрогнул. Переселение на дальние радиусы, поближе к мерзлоте, было не просто наказанием — это был медленный смертный приговор. Лучи Люминара даже в ясный полдень согревали ту местность с огромным трудом, а по ночам вода там промерзала до дна вёдер.

Вся архитектура нашего мира подчинялась строгому закону выживания. Абсолютный центр, залитый самым ярким и тёплым светом, полностью отдавался под поля и теплицы, ведь без урожая община бы просто вымерла. Сразу за пашнями возвышались внутренние стены и так называемый «центр» — добротные каменные дома, храм и главная площадь. Именно там обитали Световод, его свита и те, кто доказал свою преданность. А вот дальше, кольцо за кольцом, город расплзался во тьму. И чем дальше вглубь уходила твоя улица, тем ближе к твоему порогу подбирался вечный Холод.

— А если Люминар вообще перестанет светить?! — выпалил я, чувствуя, как от отчаяния и несправедливости перехватывает горло. — Тогда нам всем будет абсолютно плевать, на каком радиусе мы находимся!

— Не богохульствуй! — взревел отец.

Его голос грохнул в тесном коридоре так, что с потолочной балки посыпалась сухая пыль. Широкая, мозолистая ладонь инстинктивно взметнулась вверх, словно он хотел ударить меня наотмашь, чтобы выбить эту ересь из моей головы, но в последний момент замерла в воздухе, сжавшись в пудовый кулак.

Отец тяжело задыхался, с ужасом косясь на входную дверь — не услышал ли кто на улице.

— Что у вас тут происходит? — раздался тихий, донельзя спокойный голос.

Мать бесшумно появилась в проёме двери, ведущей на кухню. Заметив зависший в воздухе пудовый кулак, она неспешно вытерла влажные руки о передник, упёрла их в бока и иронично вздёрнула бровь, глядя на мужа.

Мама была женщиной миниатюрной и по-своему очень красивой — даже годы тяжёлого фермерского труда не лишили её природного изящества. Но, несмотря на внешнюю хрупкость, её тихого гнева побаивался даже мой похожий на медведя отец.

Заметив её взгляд, отец тут же смутился. Его рука дрогнула, кулак неловко разжался и бессильно опустился вдоль туловища.

— Марта, он опять что-то задумал. И богохульствует так, что на улице слышно! — глухо, с ноткой оправдания прогудел отец, кивнув в мою сторону. — Нас из-за его длинного языка точно на край света сошлют!

— И что с того? Теперь надо на родного сына с кулаками бросаться? Будешь учить его вере побоями? — сурово и хлётко припечатала мама.

Она сделала несколько шагов вперёд, мягко, но непреклонно вставая между нами. От её ледяного тона отцу явно стало неуютно, и он отвёл взгляд, тяжело дыша и переминаясь с ноги на ногу.

— Ну... я хотел... как лучше, — окончательно замялся отец, опуская взгляд и вдруг становясь похожим на огромного, провинившегося медведя.

— Хотел он, — фыркнула мама. — Кулаками размахивать да рычать на весь дом — вот чего ты хотел. Чего же ты тогда в Дозорные не пошёл, раз силушку девать некуда? Там бы и махал своими кулаками на периметре.

От её ледяной, спокойной суровости пробрало даже меня.

— Ну... я... Марта... — отец явно не знал, что ответить, беспомощно комкая в руках край своей плотной рабочей куртки.

А затем мама медленно повернулась ко мне. По одному только прищурю её глаз я понял: сейчас мне достанется ничуть не меньше. Одно дело — спорить с прямолинейным отцом, чьи мысли всегда на виду, и совсем другое — попасть под прицел материнского гнева.

— А ты? — тихо, но с металлом в голосе спросила она. — Ты, когда свои выходки очередные устраиваешь, о спокойствии отца вообще думаешь? Смотри, до чего ты мужика довёл!

— Ну неправда же, Марта, не довёл... — неуверенно подал голос отец из-за её плеча, пытаясь то ли заступиться за меня, то ли защитить собственную гордость.

Но, получив в ответ убийственный, строгий взгляд матери, он поперхнулся словами и окончательно стусевался, предпочтя слиться со стеной коридора.

— Я... думаю, — перенимая внезапную неуверенность отца, промямлил я.

Маму искренне любили мы оба. В нашем суровом поселении, где ежедневное выживание требовало грубой физической силы, в большинстве семей безоговорочным главой считался мужчина. Но под нашей крышей всё было иначе. Абсолютным, непререкаемым авторитетом здесь обладала только Марта. Ей ничего не стоило одним лишь тяжёлым, выразительным взглядом заставить нас — двух взрослых парней — забиться в угол и делать вид, что нас здесь нет. Не то чтобы мы её панически боялись. Скорее, мы слишком сильно её уважали, чтобы решаться на открытый бунт.

— Ага, думает он. Как же, — фыркнула мама, стряхивая невидимую пылинку с передника. — Так, ладно. От очередных выходов тебя всё равно не удержать, это и самому Люминару ясно. Но будь так добр: сначала сядь и нормально поужинай с семьёй. А уж потом иди и занимайся чем хочешь.

— Но, Марта... — попытался было возразить отец, видимо, всё ещё переживая за угрозу переселения.

— Цыц! — оборвала она его, даже не повышая голоса. — Он уже взрослый остолоп. Хватит его прятать за своей широкой спиной, пусть сам набивает шишки и отвечает за свои косяки.

С этими словами она развернулась и решительно направилась на кухню, откуда уже донолся дразнящий аромат печёных корнеплодов и травяного отвара. Мы с отцом обречённо переглянулись. В его глазах читалась забавная смесь родительского облегчения и мужской солидарности. Синхронно вздохнув, мы поплелись следом, словно два провинившихся мальчишки.

Спорить с матерью было себе дороже. Придётся действительно провести этот час за семейным столом, пережёвывая скромный ужин под её цепким, всё понимающим взглядом. А потом я отправлюсь в архивы. Как раз к тому времени Люминар окончательно остынет, сменив слепящий белый свет на тусклое багровое тление, и улицы городка погрузятся в холодную, безлюдную ночь. То, что мне и нужно.

Глава 2

Ночь в нашем мире — понятие условное. Люминар никогда не гаснет полностью. Его ослепительное сияние лишь сменяется тусклым, багровым тлением, похожим на остывающий в горне огромный уголь. В эти часы тяжёлые бордовые тени заливают узкие переулки, а вместе с ними на город опускается холод. Не та абсолютная, кристаллизующая кровь стужа, что царит за пределами спасительного круга, но всё же достаточно злая, чтобы заставить зубы невольно выбивать дробь.

Я выдохнул густое облачко пара и плотнее стянул на груди края грубой шерстяной накидки.

Вокруг стояла звенящая тишина, нарушаемая лишь хрустом инея под подошвами моих ботинок. Улицы вымерли. В это время никто в здравом уме не покидает своих жилищ — семьи жмутся поближе к растопленным печам и очагам, наглухо закрывая ставни. Снаружи воздух густо пахнет дымом и остывающим камнем.

Но именно эта ледяная пустота сейчас играла мне на руку. Я мог скользить вдоль глухих стен напрямик к Храму, словно призрак, не опасаясь ни случайных прохожих, ни патрулей, ни лишних вопросов.

Вот очередной слепой поворот и узкий переулок. Стоит пройти его до конца — и я окажусь у заднего двора храма. Оттуда можно незаметно проскользнуть в старый погреб, а уже по его сырým коридорам подняться напрямик в закрытый архив Световеда.

«Если меня поймают — это конец. И для меня, и для родителей».

Эта мысль внезапно ударила под дых. Осознание реальности прошибло меня ледяным потом, который мгновенно остыл на ветру, заставив замереть на полпути с занесённой для шага ногой. Сердце тяжело и гулко забухало о рёбра.

Может, я зря всё это затеял? Может, мне всё же стоит развернуться, отступить в спасительное тепло дома и просто позволить событиям идти своим чередом? Будь что будет. Выжили же мы как-то всё это время...

Мой взгляд невольно метнулся вверх, к багровому диску Люминара. В его ночном, тлеющем состоянии на махину в зените можно было смотреть прямо, не опуская век и не шурясь от слепящей боли. И стоило мне поднять глаза, как в памяти тут же вспыхнуло дневное воспоминание: утробный скрежет металла с небес и предательский прыжок тени на раскалённых плитах площади.

Я до хруста стиснул челюсти, прогоняя сковавший мышцы страх, и опустил ногу на мостовую, делая твёрдый шаг вперёд.

Никто другой в этом городе не хотел этого видеть. Никто из них не желал верить в самую простую, пугающую истину. Идеальные боги не ломаются. А если механизм дал сбой, значит, его можно починить.

И мне предстоит выяснить, как.

Я сделал шаг за угол, и мир вдруг резко перевернулся. Каменная мостовая встретила меня жёстким ударом, мгновенно выбивая из лёгких остатки тёплого воздуха. Инстинктивно я попытался перевернуться на спину и скинуть нападавшего, но тут же почувствовал, как в грудь тяжело впечаталось чужое колено, а у самого кадыка обожгла кожу холодная сталь.

Невольно сглотнув, я уставился на своего захватчика.

— Пикнешь — и я выпущу из тебя весь свет, Лис, — раздался тихий, с лёгкой хрипотцой голос.

Запах — вот что ударило первым. От неё пахло не тёплой землёй или сдобой, а жгучим морозным инеем, металлом и выделанными звериными шкурами. Тёмные волосы были стянуты в тугую косу, небрежно переброшенную через левое плечо. На ней был потёртый, но доб-

ротный кожаный доспех с клёпаными металлическими вставками и плотным меховым воротником.

Дозорный. Точнее, Дозорная.

Я узнал её. Это была Тая — старшая сестра маленькой Ины. Та самая безбашенная девчонка, которая несколько лет назад променяла безопасный уют отцовской пекарни на суровый, промёрзший путь Дозора. На её острых скулах чернели две широкие полосы сажи — обязательный атрибут и знак отличия тех, кто патрулирует периметр во тьме.

В её льдисто-светлых глазах не было ни капли привычного благоговения или трепета перед великим Люминаром. В них читалась лишь холодная, звериная решительность. Почему-то у меня не возникло ни малейших сомнений в том, что она с лёгкостью приведёт свою угрозу в исполнение.

Я медленно, очень осторожно кивнул, стараясь почти не шевелить головой, чтобы не насадиться на лезвие и не спровоцировать эту фурию.

— Тая... — с трудом прохрипел я. При попытке заговорить ледяной металл больно царапнул кожу, оставив жгучий след. — Сдурела? Я ничего не сделал.

— Именно. Ты пока ничего не сделал, — совершенно спокойно, без капли злости проговорила девушка, чуть сильнее придавливая меня коленом к промёрзшим камням. — Но ты явно собирался, так?

— Что я собирался? Я ничего не собирался, — пробурчал я, тщетно пытаюсь хоть немного ослабить давление на грудь.

— Не носи тьму, Лис. Я видела, как ты вёл себя на площади.

Я замер. Моё сердце предательски застучало быстрее, с силой ударяясь о рёбра. В звенящей ночной тишине казалось, что эхо этих панических ударов разносится далеко за пределы нашего глухого переуллка, выдавая меня с головой.

— Пока все остальные бились лбами о плиты и молились до кровавых соплей, ты стоял прямо. И пялился на Люминар, — её голос стал тише, почти перейдя на опасное шипение. — Будто понимал, что происходит. Будто знал. Мне показалось, или это было так, а, Лис? И только не смей мне врать.

— Что ты хочешь услышать? — прохрипел я, глядя снизу вверх в её льдистые, немигающие глаза. — Мои слова для любого в этом городе прозвучат чистой ересью. Но я думаю... я думаю, что Люминар просто ломается.

Несколько долгих секунд Тая молча смотрела на меня, изучая моё лицо в багровом полумраке переуллка. А затем я ощутил, как тяжёлое колено убралось с груди, а от кадыка отделилась обжигающе холодная сталь. Дозорная одним плавным, кошачьим движением поднялась на ноги, с тихим щелчком возвращая свой длинный, хищный кинжал в ножны на поясе.

Я поспешил сесть, судорожно втягивая ледяной воздух, и потёр саднящую шею. На пальцах остались тёмные, липкие капли крови — цена слишком близкого знакомства с её клинком. Опираясь о шершавую стену, я тяжело поднялся на ноги и отряхнул накидку.

— Значит, я не ошиблась, — негромко проговорила Тая, внимательно наблюдая за мной. В её голосе не было ни шока, ни религиозного гнева. Лишь холодная констатация факта. — Ты и правда понимаешь, что происходит.

— Не понимаю, — честно ответил я, сглатывая колючий ком в горле. — Но я знаю одно: это точно не гнев богов и не священное испытание. И поэтому я хочу попытаться всё выяснить. Разобраться в происходящем, пока мы все здесь не перемёрзли насмерть.

— Поэтому ты и крадёшься к храму под покровом ночи? — хмыкнула девушка, её глаза ни на секунду не отрывались от моих рук. — Но зачем именно туда?

— Там архивы, — поспешно протараторил я, невольно косясь на перевязь с её кинжалом. — В бытность свою послушником я узнал от Световода, что глубоко в подвалах хранятся не

только молитвенники, но и древние тексты. Если в этом городе и есть место, где можно найти хоть крупицу ответов — то только там.

Я сглотнул. Определённо, если бы она захотела, я бы уже остывал в этом багровом переулке с перерезанным горлом, как последний глупец.

В нашем поселении Дозорных не слишком любили. Уважали — безусловно. Опасались — до дрожи в коленках. Но любви к ним не испытывали. И дело было даже не в том, что сильную и независимую касту всегда боятся обыватели. Дело было в жутких слухах.

Шептались, будто на дальнем периметре Дозорные забывают клятвы Люминару. Будто во тьме они начинают поклоняться самому Холоду, считая лишь его истинным и первородным владыкой этого мира. Но я в эти сказки никогда не верил. Мне всегда казалось, что люди, которые изо дня в день несут вахту в считанных метрах от смертельной стужи, в принципе лишены религиозного трепета. Они слишком хорошо знают цену жизни и тепла, чтобы вслепую молиться слепящему механизму в небе или ледяной пустоте за стеной.

И стоящая передо мной Тая своим настроенным, холодным прагматизмом сейчас лишь подтверждала эти догадки.

— Вот, значит, как... Ты умеешь читать на древнем языке? — с лёгким, едва заметным удивлением протянула Дозорная, чуть склонив голову набок.

Я ответил не сразу. Даже не знаю, почему я замешкался. Может, подсознательно опасался, что за такие еретические знания она всё-таки решит пустить мне кровь. Но, выдержав её пронзительный взгляд, я всё же отрицательно покачал головой.

— Не умею. Точнее, могу разобрать пару десятков символов, но для чтения этого слишком мало, — честно признался я. — В своё время меня тайком обучал Отшельник. До того, как Световод прознал об этом и строго-настрого запретил мне приближаться к его лачуге.

— К Отшельнику? Ты добровольно таскался к этому сумасшедшему на саму Границу? — Тая недоверчиво вздёрнула тёмную бровь.

— Ходил. И он не такой уж и сумасшедший, как привыкли думать в центре, — я невольно улыбнулся, вспоминая старика. — Он знает много интересного. Мне очень нравились его истории о других мирах... о далёких, россыпью сияющих звёздах, которые когда-то усыпали всё небо, а не висели одинокой машиной над головой.

— Сказки спятившего старика, надыхавшегося морозной пылью, — жёстко отрезала Тая, возвращая разговор в прагматичное русло.

— Сказки или нет, но слушать это было куда интереснее, чем заунывные проповеди Световода, — парировал я, плотнее запахивая накидку от пробирающего ночного холода.

— И ты всерьёз думаешь, что сможешь вслепую стырить из архивов что-то ценное, а безумный Отшельник с радостью поможет тебе это прочесть? — с откровенно ехидной ноткой спросила девушка, скрестив руки на груди, облачённой в кожаную броню.

В её устах мой гениальный план прозвучал настолько жалко и глупо, что я растерянно замялся. А ведь она была абсолютно права. Не зная, что именно искать, и не понимая древнего языка, я собирался просто тыкать палкой во тьму в надежде случайно наткнуться на ответы. Проще говоря — я вообще не имел ни малейшего понятия, что мне нужно вынести из хранилища Световода.

— Вообще-то, я именно так сначала и думал, — хмуро насупился я, чувствуя, как кончики ушей предательски горят от стыда даже на пронизывающем ночном ветру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.